

Очень непросто писать об Интенсивной терапевтической жизни Александра Ефимовича и переводить в текст то, что давно стало как воздух и входило в душу естественно и целостно. Встреча с ним и ИТЖ произошла на старте моей профессиональной юности, оарила открытием отечественной духовности и во многом повлияла на всю жизнь. Было счастьем встретить не только терапевта, но и Мастера, наставника, друга и коллегу одновременно. Почти четверть века я сверяю с ним, как с профессиональным и духовным камертоном, свой путь. Поскольку человек я скорее интуитивный и мало пишущий, то опасаясь расчленять и интеллектуализировать смыслы, ставшие частью жизни. Боюсь, как говорил Александр, «своей подлой профессии, когда у нас всякий раз есть, что сказать даже тогда, когда говорить не надо». Поэтому, не пытаюсь «объять необъятное» и не расставляя все точки над «и», постараюсь выразить то свое понимание ИТЖ, которое стало созвучным, заветным и принялось душой.

Первое соприкосновение с духовным миром Александра Ефимовича можно сравнить с потоком света, ворвавшимся в мой смятенный тогдашний мир. Стало просто невозможно продолжать жить по-прежнему — одинокой и потерянной в тогда чужой для меня эстонской культуре. На первой для меня группе ИТЖ в Новосибирске в марте 1981 я пережила такое потрясение и трепет, что перехватило дыхание и сердце дало сбой. Уже не помню, с кем и с чем Александр Ефимович тогда работал, но словно вдруг все стены вокруг меня рухнули, и мир засветился красками. Тогдашняя внешняя суровость его стиля не обманула. Главное, что потрясло — это прорыв к свободе и самости, к любви, ничего не боящейся, полной смысла, света и желания жить. Вернулась способность быть, открывать истинность и смыслы своего бытия. Это было живой мелодией начала новой жизни, надежды и полета. Родилось измерение вертикали и способность принимать другую культуру. Осмысления пришли позже, вместе с новыми встречами, группами, буквальным впитыванием того, как видит, осмысляет, действует и сострадает своим больным Александр Ефимович. Позже, в бурятском дацане, я услышала, что именно так, в долгих годах со-бытия с Учителем, достигается уместность, ясность и кристаллизация смыслов.

ИТЖ Александра Ефимовича вывела к поиску своего пути, к тем делам и людям, на которых откликается сердце. Оно стало советчиком в поиске своих смыслов и способов бытия. Самым трудным оказалось учиться смирению, или, как говорила мать Тереза, — «делать малые дела, но с большой любовью» и «прогрессировать в любви», а не впадать в пессимизм и маловерие.

«Феномен Алексейчика» состоит для меня в уникальном сочетании душевной молодости, мудрости и человечности, в его постоянной готовности к открытиям, обновлению, оптимизму. В способности к провидению и духовному полету, к тому истинному профессионализму и интеллигентности, когда терапевтические принципы рождаются и подтверждаются собственной жизнью и способностью спасать, любить, творить и верить, — без права для себя на усталость и отчаяние. Атмосфера духовности — истинная среда его работы и жизни. Он ее проводник, часто — первооткрыватель и носитель цеховой чести. Он постоянно трудолюбиво умножает дар добра и духовности — щедро делится им, но не разбрасывается. Он способен так неиссякаемо щедро жить потому, что всегда готов отстаивать правду, жаждет духа и чистоты сердца больше всех других благ. Развить этот дар, мне кажется, ему помогли его семейные корни, верность

любви и уважение к отцу и своим отечественным православным истокам. Он сострадает и служит культуре, где милосердие, самоотверженность и соборность спасали и помогали жить «не благодаря, а вопреки».

Попытаюсь определить свое понимание главных принципов ИТЖ: жизненность, терапевтичность и интенсивность.

Жизненность и действенность в ИТЖ базируется на необходимости для пациента сделать свой выбор жизни, осознав свои ценности.

Здоровье видится как чувство бытия, действенная включенность в него, а болезнь — как ограниченность свободы выбора и присутствия в жизни. Чувство жизни возникает не через самовнушение, а благодаря вовлеченности и погруженности в настоящее жизни — через истинность чувств, отношений и дел.

Нужно учить пациента не препарировать свои чувства и ощущения, погружаясь в слова, рационализацию и пассивность, а переживать и принимать их, и затем — «делать дело», изменять и переделывать, рисковать, со-страдать, быть.

Терапевту важно сохранять свои связи с духовным, космическим, вечным, быть способным испытывать трепет и открывать свою потрясенность этим пациенту.

Необходимо стимулировать переживания и действия пациента «здесь и сейчас».

Происходит это благодаря атмосфере целительного контакта: подлинных, искренних отношений, основанных на включенности, заинтересованности и искренности терапевта, жизнеспособности его личности. И при этом ему нужно уметь проявлять свою конкретность и метафоричность, адресоваться к индивидуальности и целостности пациента, вызывать его отклик, пробу сил.

Идея неспецифического целебного контакта оказалась очень продуктивной и для консультирования, где своего рода «моделью» или «лекарством» становятся в первую очередь сила и целостность личности специалиста, его способность выстраивать жизнеспособные осознанные отношения с клиентами, а не только применять знания или приемы. Сошлюсь в этом контексте на слова Учителя о наших терапевтах, что их способность к душевному отклику на клиента «может оказывать гораздо большее целебное действие, чем массивные, совершенные, отработанные методики западных коллег» (А. Алексейчик, «Восхождение на вершину»). И его же риторический вопрос: «Обучать общению или любви?»

Терапевтичность в ИТЖ усиливается благодаря способности терапевта испытывать уважение к трепету пациента, тонко воспринимать и сопереживать ему, и рисковать искренне выражать свои чувства и понимание происходящего.

Без подлинности бытия терапевта, его преданности пациенту, а также высшим человеческим ценностям, терапевтичность сомнительна. Лозунг «клиент — наш пан», вошедший в профессиональное консультирование с легкой руки Александра Ефимовича, предполагает служение интересам клиента, не поступаясь при этом принципами морали и профессиональной этики. В таком служении нет однозначного принятия консультантом запросов клиента, противоречащих его нравственным и профессиональным ценностям.

Терапевтический контакт становится целительным, когда возникает чувство «мы».

Выход к «мы» — через со-переживание, до-верие, способность у-вериться и поверить. Как говорил Александр Ефимович: «чудеса происходят, когда мы не в одиночку и Бог между нами».

«Мы» с пациентом — это «со-проводжать» его в его мире, болеть и меняться вместе с

ним так, чтобы он верил, что мы боремся за него, с ним, а не против. При этом терапевт должен уметь оптимально болеть и — выздоравливать, делясь этим с пациентами, а не умирать или сходить с ума с каждым из них.

Терапевтичность духовностью и душевностью ставится в ИТЖ во главу угла. «Мы» является сутью душевности и основой духа. По сути, душевность и духовность — две стороны такого «мы», где есть любовь, доверие и вера.

Приведу некоторые реплики-подсказки Александра Ефимовича на группах. «Душевные люди — душевными болезнями не болеют, они — страдают, со-страдают и могут вы-страдать. Душевно болеют живущие страстями». «Духовность — это выход из себя к другим, ради других.» «Нам (профессионалам) важен дух-утешитель. Это выход из своего малого «я» к «я»-большому, духовному, выход в Родителя, в состояние, когда мы способны по-родительски относиться ко всему окружающему».

Интенсивность ИТЖ достигается способностью терапевта не сглаживать или объяснять, а заострять противоречия пациента, порой усиливая и даже доводя до абсурда его тревогу, одновременно подкрепляя и его потребность в изменении, и веру в наличие сущностных начал и чувств — веры, любви, красоты и добра. Такими конфронтациями терапевт помогает пациенту бросить вызов неврозу, создает возможность для его открытий, прорывов и трепета.

Риск таких конфронтаций основывается на знании ресурсов, уважении и вере в пациента. Конфронтации снижают гарантии безопасности, поэтому особенно важна возможность взаимопомощи. Интенсивность через погружение пациента в сущностные переживания опирается на правдивость и свободу, приближающих нас к осознанию сути. Для профессионала важно говорить от души, чтобы иметь шанс быть услышанным. Интенсивность невозможна без простоты, ясности и многоплановости. Терапевт говорит и делает только то, что сущностно значимо, актуально и откликается в душах участников группы, вызывая истинные дела и чувства.

Способность терапевта погружаться в мир жизненных сущностей — в доброту, красоту, любовь, в память и культуру — создает возможность глубинного понимания и безоценочного принятия своеобразия измерений мира пациента, его культурную экологию, не впадая в соблазн навязать ему свои решения. Навсегда запомню случай с одной из пациенток Александра Ефимовича, когда на заре моей профессиональной юности я, понаблюдав первый прием, предложила потом для помощи ей программу максимум, а Учитель, спокойно выслушав мои проекты, назначил самое простое поддерживающее лечение, сказав только: «А что она со всем этим потом будет делать?» Значимые слова, метафоры, афоризмы и анекдоты вводят контексты, соединяющие конкретное и сакральное, индивидуальное и общечеловеческое. Создают творческий эффект многогранности, глубины и мерцания смыслов. «Полезны были слова, что с возрастом лучше не раскрывать, а созреть с ними для Бога, вспоминать его» — высказывание участника апрельского семинара. Сказать — кратко и кротко. Сказать, если смолчать нельзя. Сказать — помолясь. Часто выход к выздоровлению начинается с юмора, с адресации к сохранному, творческому началу пациента, к его способности «померцать» и порадоваться: «В каждом из нас спит гений — и с каждым днем все крепче и крепче». Или: «Невротик — тот, кто знает, что $2 \times 2 = 4$, но очень этим недоволен». Это подключает личностные ресурсы лучше любого лекарства и технических приемов.

Интенсивность становится исцеляющей благодаря созданию терапевтической

общинности, когда работа одного глубинно отзывается в каждом и подключает к поиску совместного спасения. Терапевт дает возможность группе пройти совместный путь, сюжетно выстраивая работу с проблемами отдельных пациентов от душевных детства и юности — к «золотому возрасту сеньорства», периоду ценностей, духовности, осмыслений и итогов. Погружаясь в общность, где индивидуальные и культурные различия превращаются в совместное богатство, участники группы могут обрести новые измерения души и прожить не одну жизнь, через «ты» открывая новые грани «я». Еще одно измерение общности раскрывается в ИТЖ через библиотерапию — погружение в нашу культурно-историческую память, обретение общего языка. Общинность и даже соборность реально воплощены Александром Ефимовичем в его апрельских семинарах, где служение профессионализму и человечности осуществляется через служение своим коллегам, пациентам и ученикам и все «со-вершается» — для и вместе с «другими-друзьями», и путь к совместному спасению — в «со-творчестве» и «со-страдании». И тогда становится возможным «со-бытие», в котором — вечное.

Для успешной терапии нужно наличие позитивного образа, смысла работы. Важно, чтобы терапевт имел свою картину мира, был способен принимать его разнообразие и имел представление о его устройстве, порядке, включающем жизнь и смерть, добро и зло, болезнь и здоровье. Без конкретики представлений, от чего лечить (напр. «от профессорства, гордыни или суесловия») и к чему и как выходить, как работать с болью, попытки помочь оказываются тщетными.

В истинной, целостной психотерапии боль и любовь неразделимы. Александр Ефимович и словом, и делом доказал, что человека верующего боль и страдания могут вести к состраданию и обретению жизненной силы и мудрости, быть «измерением любви». «Боль в психотерапии — боль благодатная. Предупреждающая, «иммунизирующая», стимулирующая, объединяющая, исцеляющая». «Но еще более необходимы в нашей работе... положительные идеи и опыт. Говоря более «абстрактно» — любовь, в первую очередь к себе, к своему, к ближнему.» (А. Алексейчик, «Восхождение на вершину»).

Александр Ефимович говорил об опасности и разрушительности бессмысленного страдания и, преобразуя его в страдание осмысленное, подкрепленное верой и любовью, помогал пациентам укреплять свой дух, возвращаться к жизни. Мысли о спасительной роли страдания для роста души характерны для российской духовной традиции (Толстой, Достоевский, Ильин, Шестов). «Моя боль — мое богатство» — слова одного из участников апрельского семинара, навсегда оставшиеся в памяти как предостережение от скороспелого, суетного вмешательства.

Приведу высказывания Александра Ефимовича из групп разных лет, которые помогали мне в поисках смысловых ориентиров работы и жизни.

О тревоге и болезни

Суть тревоги и болезни в недостаточности любви и в отпадении от благодати. Мы болеем, так как грешны, забыли Бога, утратили доверие к миру и причастность к целому. Болеете? Смиритесь, и все пройдет.

Болезнь может быть как наказанием, платой за греховность, так и спасением. Хорошо быть немного больным и понять, зачем болезнь нам послана. А приняв свою слабость — избавиться от тщеславия, выйти к мудрости и смирению.

Благо болезни — в создании иммунитета, чтобы потом лучше уметь справляться с большими трудностями.

О здоровье и жизни

Здоровье — это выход к ответственности за самого себя. Здоровье — это мирное сосуществование тела, души и духа, полнота бытия.

Здоровье — это способность к обновлению, воскрешение к новой жизни.

Здоровье может быть как благом, так и искушением.

Здоровье, как и жизнь — это не состояние, а процесс. Это — как езда на велосипеде, где для устойчивости нужна определенная скорость.

О лечении

Лечение — это бытие с пациентом в сострадании, смирении и жертвенном служении ему. Лучший выход к излечению — через совместное смирение. Выход к целительству — через бытие в со-действии, со-переживании, когда в нас отмирает все плохое и ненужное.

Если к тебе приходят, как в сказке — за умом, любовью или смелостью, то все это в них уже было и нужно помочь им поверить в это.

О душевности

Душа — это «мы», это то, что объединяет человека в единое целое. Образно — это дом, мама в этом доме, это — семья. Без объединяющего начала дом — общежитие. Когда в наше бытие входит элемент душевности, наше состояние становится более целостным, приближается к вечности.

Душевность — та целостность, когда живем с образом и подобием Божиим, тогда целое намного превосходит сумму частей.

Душевность достигается, выстрадывается. Она — благодать, которая нам даруется. В нее нельзя ворваться.

Бывает душевность не материнская, а слезливая — бабская.

О духовности

Суть духа — то, что соединяет нас с другими в «мы», а внутри нас — с образом и подобием Божиим. Духовность — субстанция не материализуемая, но быть практичной она может. Выбирать надо тех, с кем мы становимся духовнее.

О вере

Практичное определение веры — это принятие того, что утверждает другой человек вместе с принятием себя как умеющего отличать правду ото лжи. Вера — в делах и искуплении.

Вера конкретна — в реального человека и себя.

Верить в суть человека, каким его задумал Бог и не осуществили родители.

Быть уверенным в близких. Мало веришь — мало любишь. Хорошо веровать, но еще лучше — быть верным.

Верующий: «Увижу, когда поверю»; неверующий: «Поверю, когда увижу».

Вопрос «Что есть Бог?» — скорее суеверие, а вот «Кто есть Бог?» — выход к вере.

О любви

Быть рядом, смотреть в одном направлении. Любовь может преображать, быть сущностью, на которой жизнь держится. Без такой любви все бесплодно. Любовь — одна из основ духовности. Она — в созидании добра, в потребности единства через самоотдачу.

Чт

обы проверить, идет ли в отношениях речь о вечном, можно представить — идут ли влюбленные в церковь или из нее.

Любовь может быть вечной, но при этом — определенной, иметь ясные границы и конкретику.

Любовь к пациенту, как и доброта, не должна быть чрезмерной — их уравнивает требовательность, взывающая к голосу совести.

О грехе

Корень всех грехов — неверие. Грех — это отпадение от духовного и отрицание добродетелей —
не-любовь, без-надежность,
без-верие...

О смирении, кротости и простоте

Сущность — в присоединении и смирении перед сущностями мира. Добродетель кротости — укрощение своей избыточности.

Юродивые, блаженные — ближе к простоте и к Богу.

Простота — не примитивность, а прямота, сосредоточенность на правде и праведности.

О детстве и чуде

Маленькая девочка — новорожденному брату: «Малыш, расскажи мне — какой он, Бог, а то я уже начинаю забывать...» Детство — это благое терапевтическое состояние. Быть взрослыми, но вести себя как дети.

Возвыситься до детства, открыв в себе своих отца и мать. Возвращается детство и гордость за родителей... И благодать.

О нищете и убогости: это «у-Бога»

«Иногда Бог отнимает у человека ноги, чтобы дать ему крылья» — и сразу вспоминается просветлевшее лицо человека в коляске, который прочитал это. Старики могут стать и нашей ценностью, и добродетелью.

В группе — Александр проводит через образ нищенки страдающую от душевной убогости пациентку — к состоянию «у-Бога», к переживанию нищеты духовной.

О молитве

Молитва — это разговор с Богом, где звучат не столько просьбы, сколько благодарности. «Трое Вас, трое нас — Господи, помилуй нас» — о простоте спасительной молитвы Валаамских старцев.

«Господи, дай мне силы

терпеливо сносить болезнь. Дай мне разум понять, что я должен делать, и мудрость, чтобы отказаться от невыполнимого».

О благодарности

Благо-дарность — это дарение блага, способность делиться благом без навязывания и

сомнений. Благодарность — потребность признать, что не ты главный источник хорошего, и воздать за благо другим. Выздоровливают главным образом благодарные пациенты.

О деньгах

Деньги — цена жизни, любви, памяти, сострадания, достоинства. Деньги как конкретика, дающая возможность измерять трудноизмеримое.

О жизни и смерти

Если тебе есть ради кого или чего умереть, то тогда есть и ради чего жить.

Все это — часть итогов, собранных в поиске своих выходов к духовности. Главным подарком на этом пути стало для меня толкование Александром Ефимовичем православного контекста чуда детства и блаженств.

Удалось открыть, что главные чудеса в жизни — не в сюрпризах мира или мистическом вмешательстве, а в собственных прозрениях, просветлении и одухотворении.

Отвечая на вопросы «куда» и «как выходить» из тупиков жизни, открыла для себя в ИТЖ наиболее действенные пути к целостности и духовности: • через детство, простоту, красоту, свободу, творчество, радость открытий;

- через сердечность, любовь, материнство, дружбу — общинность;
- через блаженства и добродетели — заботу, милосердие, сострадание;
- через прощение, прощание, молитву, покаяние и смирение;
- через укрепление веры, надежды, перспективы;
- через погружение в культуру, в память и в дело.

Большинство из этих путей помогают мне самой и близким мне людям и бывают спасительными для клиентов экзистенциального консультирования.

О современной ИТЖ

Сущность современной ИТЖ и ее место в психотерапевтическом пространстве я вижу в терапии духовностью и целостностью, что наиболее созвучно идеям интегративной экзистенциальной и гуманистической парадигмы.

Краеугольным камнем в ИТЖ, особенно явно в последние 15 лет, является обращение к исцеляющей духовности, сакральности, особенно к ценностям и образам православия, к культурной и исторической памяти.

Другим, более земным принципом ИТЖ стала идея целостности как единства духа, души и тела, а так же фокусировки на способности человека целостно, душевно погружаться в настоящее, заново проживая и переосмысляя свой опыт. Не менее важной оказывается и опора на групповую целостность, где через «мы», т. е. способность пациентов со-действовать, со-переживать и меняться благодаря включенности в опыт других, осуществляется выход к их более здоровому «я» и риску жить.

Идея целостности проявляется также в экологичности используемых средств и стиля терапевта, которые должны быть конгруэнтны индивидуальности и жизни клиента, а также социально-культурной среде и исторической памяти.

В подтверждение идеи о значимости культурного и сакрального контекста при подборе методов в современной ИТЖ хочется напомнить метафору Александра Ефимовича — о чеховском тарантасе, вырастающем из оглобли на родной российской почве, который гораздо более пригоден для местных ухабов, чем заграничный лимузин, практичен и

уместен, или — культурно-экологичен.

Александр Ефимовича уже много лет подчеркивает, что в нашей (славянско-евро-азиатской) психотерапевтической почве — огромные наши преимущества и потенциалы эффективности в терапии: спонтанность, целостность, глубина, душевность, духовность и истинная соборность. Но говорил он и о том, что, к сожалению, мы не умеем пользоваться этими преимуществами и «фатально недооцениваем... уникальность личности, ее «почвы», «культуры».

О роли терапевта в ИТЖ

Говоря о роли терапевта в ИТЖ, можно напомнить истину, адресованную врачам и часто цитируемую Александром Ефимовичем: «Исцелись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи». Таким носителем передаваемых ценностей и своего рода «моделью» для участников группы мы его и знаем.

Одно из его профессиональных мотто и ориентиров в работе: «Хватит говорить — показывайте», и это он относит в первую очередь к себе.

Как показывает практика ИТЖ, вывести к духовности и целостности может только зрелый человек, чья вера, ценности, переживания и дела образуют непротиворечивое единство, кто не избегает труда и страдания на пути к обретению цельности, профессионализма и интеллигентности. Терапия бывает действенна только тогда, когда ее душевные и духовные смыслы становятся для терапевта сущностными ориентирами в профессиональной и в частной жизни. В противном случае — при подражательстве, дилетантизме или фарисействе — разрушается сама суть подхода, все обращается в фарс, карикатуру и бесовство. Итоги такой «терапии» могут оказаться глубинно разрушительными.

Будучи терапевтом, Александр Ефимович сам живет в группе интенсивно и терапевтично, действительно включаясь и направляя жизнь группы к сущностным событиям и переживаниям, порой беря на себя провоцирующую и испытывающую участников роль. При этом он вмещает в себя все душевные измерения участников, сострадая и личностно откликаясь на их опыт.

В первое десятилетие моего знакомства с ИТЖ в группах со специалистами в темах работы доминировали идеи покаяния, борьбы с греховностью и защита морально-этических и профессиональных идеалов, а стиль терапевта был близок образам недоступного, хотя и справедливого, христианского и даже наказывающего и пугающего иудейского бога. Для Александра Ефимовича было принципиально важно, чтобы мы, осмелившиеся выходить к другим как консультанты и терапевты, смогли бы проявить себя достойными, человеческими и стойкими людьми, поэтому он и проводил нас через испытания собой на истинность. В группах же с пациентами через его внешнюю строгость всегда светилась забота и доброта — для больных он был скорее мудрым и защищающим наставником, проводником к спасению души и тела.

В последние годы стиль работы Мастера стал гораздо более теплым, очень личностным, проникновенным, духовно-углубленным, призывающим к со-трудничеству, а тематика групп все чаще посвящается бытийным ценностям — добродетелям, вере, смирению, любви. Опыт верности своим ценностям, добра и любви к ближнему без чрезмерности и готовность всегда оставаться собой — тоже дары, полученные нами через личность терапевта. И если 20 лет назад внутренний возраст Александра представлялся в диапазоне от 15 до 70, то сейчас видится, что он способен привнести в свое духовное

пространство вечное, расширяя его через благодарное принятие судеб пациентов и своих семейных, культурных и православных корней.

Такая целостная личностная включенность и принятие пациентов, опора на глубокое вчувствование и понимание, одухотворенность работы терапевта позволяют сравнить этот стиль с лучшими традициям гуманистической роджерсовской терапии, несмотря на различия в авторитарности стиля.

В методологических установках ИТЖ можно найти некоторые параллели с одухотворенной гештальт-терапией:

- их сближает идея целостности, риска, погруженности в реальность, в «здесь и теперь», неизбежности прорыва к истинной своей сущности, самости;
- есть сходство и в конкретности и действенности терапевтических приемов (обозначить в процентах свое переживание, в деньгах — свое отношение к конкретному человеку);
- индивидуальный подход: «за что вы их, каждую в отдельности, простили...», опора на тонкую наблюдательность, настройка на другого;
- творчество и нестандартность выражения своих чувств и отношений.

Отличия ИТЖ от гештальт-терапии главным образом — содержательные:

- в представлении о содержании личностной сущности и душевного здоровья, базирующихся на духовности, глубине и структурированности ценностей;
- в личностном, глубоко человеческом характере терапевтического контакта;
- в профессиональной экологичности, опоре на культурную и сакральную специфику корней пациента, на смысловые основы родного языка;
- в приверженности православной морали и этике;
- в метафоричности поведения и многоплановости текстов.

Содержательные аспекты и философские основы ИТЖ несомненно позволяют отнести ее к экзистенциально-гуманистической и духовной традициям, а особенности ее терапевтических технологий, их импровизационный, ярко индивидуальный характер, многоплановость личностных, культурных и духовных контекстов делают ее произведением искусства, отражающим сущностные особенности и неповторимость ее создателя — Мастера.

Работать в ценностных измерениях ИТЖ — значит быть целостным, духовным, культурно-экологичным, имеющим ясную структуру жизненных смыслов и ценностей, а также — способность быть человеческим и истинным. Без личностной зрелости, человечности, индивидуально неповторимого стиля и культурной эрудиции ИТЖ невозможна. Сущностным измерением ИТЖ является также способность терапевта к глубинному целебному человеческому контакту, выстраданность его жизненного опыта и гуманности, а также способность к со-трудничеству, со-творчеству и служению пациенту и духовности.

Дальнейшее развитие идей ИТЖ вижу для себя в развитии идей культурной экологии в работе с профессионалами — терапевтами и консультантами.

Отталкиваясь от идеи Александра Ефимовича, что «психотерапия должна быть иммуносовместимой», рассматриваю ее развернутой не только к клиентам, но и в сторону специалиста: выбор методов, стиля, содержательных акцентов и путей к выздоровлению должен вписываться в культурную экологию как пациента, так и терапевта, осуществляться по образу и подобию жизни всех участников терапии, подкрепляя их совместимость и жизненность результатов.

Практика ИТЖ показывает, что процесс и результат терапии не будут отторгнуты как

чужеродные только в том случае, если все происходящее в процессе терапии будет восприниматься всеми ее участниками на уровне «быть, а не делать». Для этого практика подготовки консультантов, не в меньшей степени, чем терапевтов, должна включать не только профессиональную подготовку, но и их общекультурное развитие, дающее лучшее понимание своих сакральных и исторических корней, выход к смыслам, ясности мировоззрения и целей.

Эти аспекты культурной экологии пытаюсь разрабатывать и учитывать в ходе подготовки и супервизионной работы с экзистенциальными консультантами.

Тема своей инакости, обращения к семейным, сакральным корням и культурно-исторической памяти предлагалась и оказалась востребованной в группах профессионального роста психотерапевтов в различных мультикультурных регионах России.

В контексте Эстонии особенно актуальными стали идеи работы с культурной идентификацией и памятью, с преодолением национальных и языковых барьеров и укреплением чувства культурно-своеобразной общности.

Продолжаю и адаптацию терапевтических принципов ИТЖ к работе в экзистенциальном консультировании, где предпочтительнее ставить акценты — на ресурсах и бытийных ориентирах в духовном и душевном развитии клиента.

С учетом традиций и особенностей языческого и протестантского менталитета Эстонии было необходимо сместить ценностные и стилевые акценты ИТЖ на большую индивидуальную ответственность, творчество, сотрудничество с клиентом, уважение его рационализма и приватности. В работе с клиентами, ориентированными на социальную успешность, чаще, чем с пациентами, стараюсь «не поминать всуе» религиозные образы, а обращаться к ценностям.

Идеи ценности детства, чуда и метафоричности я продолжаю развивать в творческих арт-терапевтических группах — как для личностной подготовки специалистов, так и в работе с экзистенциальной проблематикой клиентов.